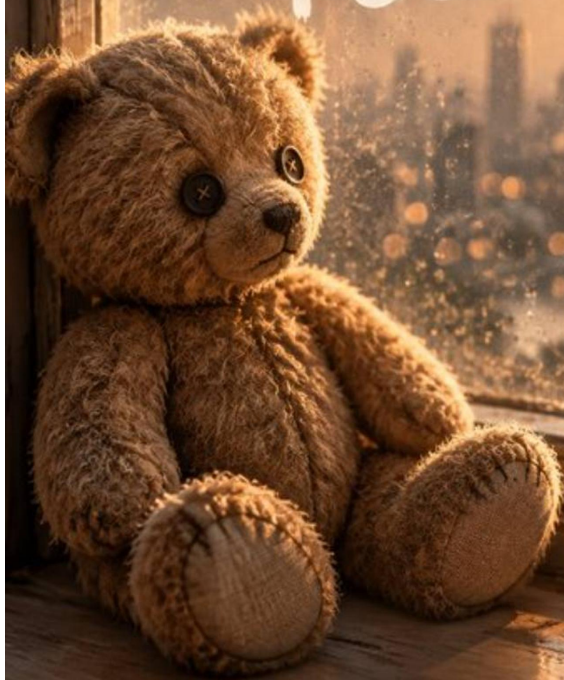

Мир тесен.

Филатова

Филатова Филатова

Мир тесен

<https://litres.ru/74664849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь акушера-гинеколога Виктории рушится в одночасье: муж предаёт её, бросив ради другой. Оставшись одна, она принимает решение, которое изменит её судьбу навсегда — усыновить мальчика, от которого отказалась родная мать.

Проходят годы. Выросший Антон влюбляется в девушку Юлю, не подозревая, что она — дочь того самого мужчины, который когда-то разбил сердце Виктории. А биологическая мать Антона, бросившая его в роддоме, даже не догадывается, что её сын спас жизнь её нынешнему мужу, заплатив за это собственной.

Пронзительная история о невидимых нитях судьбы, о материнской любви, которая сильнее крови, и о том, что даже после самой страшной боли можно найти в себе силы простить и начать всё сначала.

Филатова

Мир тесен

Весенний город просыпался. Пронзая разреженный утренний воздух, с сиреной промчалась скорая помощь. По улицам сновали одинокие такси. Навстречу друг другу, по-сигналив фарами, проехали поливальные машины-бочки. Почти полупустые трамваи, слегка покачиваясь, скользили по влажным рельсам, набирая скорость в новом дне.

Лучи утреннего солнца ещё не заглянули в окна трёхэтажного здания, покрашенного в розовый цвет. Оно стояло в старом квартале, на перекрёстке трёх дорог. Возле приёмного отделения уже тормозила скорая: двое врачей помогали выйти молодой женщине. Свет в этом здании гаснет на ночь не во всех окнах. Утро здесь начинается с того момента, когда после водных процедур новоявленные мамочки, усевшись на кровати, с нетерпением ждут, когда им привезут на кормление деток. А пока по коридору, стуча колёсами о швы напольной плитки, медсёстры на тележках, похожих на конвейер, развозят проголодавшихся младенцев от одной палаты к другой. Мамочки в палатах с волнением прислушиваются к детским голосам, и каждой кажется, что громче всех плачет именно её дитя.

За эту ночь палата №9 пополнилась тремя роженицами. Врач-акушер Виктория Михайловна, принимавшая ночью

младенцев, перед тем как уйти с дежурства домой, решила заглянуть к ним, чтобы узнать, как они себя чувствуют и нет ли жалоб. Поздравив их ещё раз, она сказала, что будет вести эту палату сама до самой выписки.

Выйдя из палаты, Виктория направилась в ординаторскую. Проходящие мимо сослуживцы здоровались и поздравляли её: кто с окончанием «урожайной» смены, кто — с днём рождения. Она приостановилась у зеркала в коридоре, поправила выбившуюся из-под шапочки рыжеватую прядь. Приблизив лицо, внимательно посмотрела, не появились ли мимические морщинки возле глаз, но, кроме легкой усталости после бессонной ночи, в её голубых глазах ничего не заметила.

«Надо бы выкроить время и сходить к косметологу», — уверенно сказала она себе, чтобы не забыть.

Да, ей уже двадцать восемь. А через два дня — годовщина свадьбы, их с Юрой. Но об этом на работе никто не знает. Пусть это останется её маленькой тайной. С довольной улыбкой она шла по коридору, отвечая на приветствия кивком и принимая поздравления.

В ординаторской девчонки — медсёстры и акушерки — уже накрывали на стол, разливали по кружкам чай и кофе. Посреди стола стоял торт с надписью «Поздравляем!». Плотный рабочий график выбивает из колеи: приёмы на участке в поликлинике, дежурства в роддоме... Но эту работу она не променяет ни на какую другую, сколько бы денег ни предла-

гали.

— Где будешь отмечать? — спросили сослуживцы.

— В ресторане, когда мне дома готовить, — ответила она.

— Вчера еле-еле дозвонилась, чтобы заказать столик, там какой-то банкет, будет, думаю, весело. А я только своих пригласила. В тесном кругу, без всякой помпезности. Двадцать восемь — не круглая дата.

А до похода в ресторан надо купить всё необходимое для домашнего ужина. Годовщины свадьбы они с Юрой отмечают вдвоём, так решили с первых дней совместной жизни. Через два дня исполнится ровно четыре года, как они поженились.

С Юрой они были одногодки. Он — тёмно-русый, кареглазый, спортивного телосложения, к тому времени уже самостоятельный, работал на заводе после окончания химико-фармацевтического института. Они дружили с первого класса, как только учительница Елизавета Филипповна посадила за одну парту черноволосого смуглого мальчугана с мягким, покладистым характером и кудрявую рыжую голубоглазую девочку — настойчивую, всегда добивающуюся своего. Они были как плюс и минус.

Отец Виктории, Михаил Петрович, часто говорил, обращаясь к ней: «Не завидую тому, кому ты достанешься, рыжая бестия».

На что мама, Татьяна Валентиновна, всегда возражала: «Зачем ты так, отец? Разве плохо быть упорным и настойчи-

вым человеком?»

Переходя из класса в класс, они уже сами просились за одну парту. В старших классах любимым предметом стала химия. Они наперегонки решали задачи, вместе ездили на олимпиады, мечтали поступить на химико-фармацевтическое отделение, чтобы стать учёными и изобрести лекарство от неизлечимой болезни.

Но в тот незабываемый день, с красочной лентой через плечо и надписью «Выпускник 1991 года», после шумного бала, когда они, взявшись за руки, шли по безлюдной улице встречать рассвет, случилось то, что изменило выбор Виктории.

Навстречу им бежал взволнованный, испуганный мужчина. Он нервно и быстро говорил, показывая на стоявшую на обочине старенькую «копейку»:

— Мы ехали с дачи, а у жены начались схватки! Вроде бы не время ей ещё... Видно, я её растряс на этом драндулете!

Он с силой ударил ногой по колесу москвичонка. В это время женщина в салоне истошно закричала. Им всем стало не по себе.

Что предпринять, сообразил Юра. Быстро раздав задания Виктории и мужчине, он побежал в сторону города, чтобы вызвать скорую.

— У вас вода есть? — спросила Виктория у мужчины.

— Нет, а зачем?

Виктория показала, что надо бы руки помыть.

— Самогонка есть, — сказал он, доставая бутылку из багажника.

Он начал дрожащими руками лить жидкость ей на руки, затем сделал глоток из горлышка, сморщился, передёрнулся всем телом и виновато сказал:

— Видите ли, я кровь не выношу, мне плохо становится при её виде...

— Причём тут кровь? — бросила Виктория, словно уже не раз бывала в таких ситуациях, и направилась к роженице.

Мужчина трясся. Он курил сигарету, то нервно её мял, то закуривал другую. То сидел возле машины, обхватив голову руками, когда у жены начинались схватки, то быстрым шагом наматывал круги вокруг «копейки». Если бы его тогда спросили, что именно сказал ему делать Юра, он всё равно бы не вспомнил.

Роды у женщины были не первые. В перерывах между схватками она подсказывала Виктории, что делать, а та с волнением помогала ей, всячески подбадривая и неся всякую чушь. Будто им в школе на ОБЖ преподавали, как оказывать помощь в таких ситуациях, будто ей приходилось при этом присутствовать! И женщина от этого как будто успокоилась. Она стала расспрашивать Вику на отвлечённые темы: как они тут оказались, про учёбу, и вообще сказала, что с таким жизненным опытом Виктории нужно смело поступать в медицинститут.

Скорая приехала, когда женщина уже родила. Ребёнок —

девочка — лежал рядом с матерью.

— Спасибо тебе, — сказала женщина, держа Викторию за руку. — Я назову её в твою честь.

Она нежно глядела на дочь.

— Виктория — это победа. Она справилась, родилась, можно сказать, в экстремальной ситуации.

Им помогли перебраться в скорую. Счастливый папаша, довольно улыбаясь, благодарил Юру и Викторию, что не оставили его одного. Пожал руку Юрию, подошёл к своей машине, стукнул в сердцах по колесу, снова вернулся, поблагодарил своих спасителей, сел за руль. Скорая, замигав маячками и включив сирену, быстро помчалась в город. А за ней медленно разгоняясь, уехала «копейка».

Виктория и Юра шли, взявшись за руки, туда, где над горизонтом всходило солнце.

— Как здорово, что мы были свидетелями рождения ещё одной жизни... — тихо сказал Юра.

— А сейчас рождается ещё один день, — улыбнулась Виктория.

— А там впереди... рождается наша новая жизнь.

Эмоции переполняли их молодые сердца. Рассмеявшись, они почти бегом пустились навстречу солнцу.

Как же быстро пролетело время! Ведь это было только вчера. Правда, мама говорит: «С хорошим мужем и год,— одним днём покажутся». Мы любим друг друга, мы счастливы. И неправда, когда говорят, что кто в мае родился, тот

всю жизнь мается. Сегодня солнечный, по-весеннему тёплый день, и у нас вся жизнь ещё впереди.

Выйдя из роддома после смены, Виктория вздохнула полной грудью, вдохнув свежий утренний воздух, и не торопясь направилась в сторону рынка. В утренние часы народу там было почти никого, и Виктория, быстро купив всё необходимое, пришла домой.

Открывая ключом дверь, она услышала, как надывается телефон. Освободив руки от сумок и разуваясь на ходу, она подбежала к аппарату. Звонил Юра. Она должна быть дома уже час назад, если бы не поход на рынок — он уже весь телефон оборвал. Юра поздравил её и спросил, как его подарок.

— Я ещё не видела его, я только что вошла, — сказала Виктория.

Она рассказала, что столик в ресторане заказала на семь часов и гостей пригласила.

На столе стояла ваза с букетом алых роз, а рядом лежал маленький свёрток. Виктория медленно развернула его: в нём она увидела продолговатый футляр, но открывать не стала, а положила обратно на стол.

При таком графике работы, какой был у Виктории — приёмы на участке в поликлинике, дежурства в роддоме, — порядка в квартире не наблюдалось. Переодевшись в домашнюю одежду, она стала убираться. Получалось слаженно: всю одежду, что висела на спинках стульев и лежала на кресле,

она отсортировала — чистое убрала в шкаф, а грязное унесла в ванную. Включила стиральную машинку, протёрла везде пыль, прошла пылесосом. Временами звонил телефон, она подходила и принимала поздравления. То родители, то подруга... В конце каждой беседы она говорила, что ждёт их сегодня в семь в ресторане.

Когда Юрий вернулся с работы, Виктория уже почти собралась. Голубой костюм так шёл ей к лицу, что её голубые глаза в его отражении становились просто бездонными. Юра открыл футляр, достал золотую цепочку с кулончиком в виде знака зодиака и надел ей на шею.

— Красиво, — сухо сказал он, отходя в сторону.

— И это всё? — спросила Виктория. — Ты меня даже не поцеловал.

— Прости, я что-то за эти дни устал. Много работы, заработался, одним словом.

Они вышли из дома, у подъезда их уже ждало такси. К ресторану они подъехали почти одновременно с родителями Виктории. Мама, Татьяна Валентиновна — красивая женщина пышных форм, год как вышедшая на пенсию, большая рукодельница. Папа, Михаил Петрович, пятидесяти пяти лет, работал прорабом на стройке.

Юра остался в вестибюле дожидаться остальных гостей, Виктория же прошла с родителями к столу. Их мирную беседу оживили подошедшие гости: близкая подруга с мужем и друг Юры с женой. Все стали активно преподносить подарки

и поздравлять виновницу торжества. За столом все оживились, стали по очереди произносить тосты в честь Виктории под знакомую мелодию, а в глубине зала, возле маленькой сцены, танцевали посетители ресторана.

За весь вечер Юра ни разу не пригласил Викторию на танец. Она танцевала с Виктором, мужем подруги Ольги, то с другом Юры Олегом, её даже приглашали посторонние посетители — сегодня ведь её день. Юра сослался на усталость, быстро захмелел, отговаривался, что мол не только у него язык заплетается, но и ноги боится не устоять и завалиться посреди зала.

В половине одиннадцатого, распрощавшись с гостями, они пришли домой. Виктория стала высказывать своё недовольство по поводу его поведения, но он, ничего не отвечая, ушёл в ванную. Когда она, переодевшись, зашла в спальню, Юра уже спал.

Утром на работу он ушёл по-английски, она ещё спала. И вообще, она решила понежить себя, выспаться наконец-то: на работу в поликлинику только с обеда, до шести вечера, а затем дежурство в роддоме. Она повернулась на другой бок, закрылась с головой под одеялом, как в детстве, и через минуту уже было слышно её тихое сопение.

Когда после поликлиники она пришла в роддом, её там уже ждали новости. Две мамочки из девятой палаты просили, чтобы их перевели в другую палату, или же чтобы молодую мамочку убрали от них. Виктория Михайловна сразу же

направила к своим подопечным.

Выяснилось, что молодая девятнадцатилетняя мамочка не кормит своего ребёнка. Она положит его на подушку, постукивает ладошкой тише, тише — на этом её кормление и заканчивается. Ребёнок голодный плачет, и детки мамочек, которые кормят своих малышей, тоже начинают солидарно с ним плакать. Детей уносят, мамочки переживают — так и молоко может пропасть.

Виктория Михайловна попросила остальных выйти, чтобы поговорить с молодой мамой. Светловолосая симпатичная студентка начала с того, что ребёнка она брать не будет, он ей не нужен. Она учится, живёт в общежитии. Родители об этом ничего не знают и вообще ничего не узнают. Так получилось, в её планы это не входило, просто срок был уже большой, чтобы делать аборт.

Виктория Михайловна переубеждать её не стала, а сказала, что на завтра пригласит психиатра.

— Он с вами побеседует на эту тему, может, он вас убедит в неправильности вашего поступка. А твоя обязанность: если грудью не хочешь кормить, сцеживай молоко. Ребёнка надо кормить, и пока ты здесь находишься, это твоя прямая обязанность, — требовательно сказала ей Виктория Михайловна и вышла из палаты.

В ординаторской она возмущённо рассказывала коллегам об инциденте, при этом звонила психиатру, вызывая его на беседу с мамочкой.

— Это первый случай в моей практике.

— Но запомни, Виктория Михайловна, — сказала ей помощница, акушерка с десятилетним стажем Ирина Валерьевна, — это не последний случай. За мою практику таких «кукушек» было много. Лучше пусть здесь оставляют, чем топят этих несчастных деток или душат и в мусорные контейнеры бросают.

От таких слов у Виктории Михайловны по спине пробежал холодок. Она как раз сидела за столом и смотрела медицинские карточки этой несчастной мамочки и её ребёнка. Мальчик родился весом 3200, рост 51, здоровенький.

— Ты знаешь, — продолжала Ирина Валерьевна, — во время войны тоже рожали, но никто не оставлял детей в роддомах. Говорили: если судьба умереть с голоду или с холоду, то вместе. Моя мама во время войны работала в столовой при кирпичном заводе. Так она кастрюли прежде чем мыть споласкивала, хоть какой-нибудь жирок с боков кастрюль в баночку сольёт, очистки от картошки домой приносила, суп из этого варила брату. У неё просили брата одна пожилая чета — в дети мол возьмём, а то умрёт с голоду. Так мама говорила: «Если придётся умереть, то вместе». А что сейчас? Эх, эх, мир рушится. Ладно, я в предродовую палату пошла, — сказала она, надевая медицинскую маску.

Виктория Михайловна вышла за ней следом. Уже проходя мимо детской палаты, она вдруг приостановилась, поправила медицинскую маску на лице и вошла. Деток привезли после

кормления, они почти все спали. Она стала читать фамилии на подвешенных к кроваткам планшетах, прочла вслух:

— Птичкина Светлана Ивановна.

В кроватке не спал ребёнок, он кряхтел, что-то ему не нравилось — видно, мокрый.

— Ничего, скоро медсестра поменяет пелёнку, — сказала Виктория Михайловна, повернув его на другой бочок.

— Надо же, Птичкина... — сказала она вслух и вышла из палаты.

Навстречу бежала медсестра:

— Вас в родовую палату срочно зовут!

— Вот так всегда: срочно, срочно, — сказала она медсестре. — Но, как говорится, родить нельзя погодить.

И они скрылись за дверью родовой палаты. Здесь находится святая святых, так им постоянно говорит главврач роддома, профессор Корбут Анатолий Анатольевич. Он же преподавал в мединституте акушерство и гинекологию, где училась Виктория.

— Там никогда не должно быть посторонних зевак, неопытных акушеров и не знающих на пять свою работу врачей и анестезиологов. Любая ошибка, несвоевременно принятое решение может грозить здоровьем или же жизнью матери или ребёнка, — говорил он.

Этому принципу всегда придерживалась Виктория Михайловна. А к такому движению, чтобы во время родов присутствовал отец, Виктория относилась отрицательно и все-

гда отказывала тем, кто в её дежурства желал поприсутствовать при рождении своего чада.

— Есть таинство зачатия ребёнка, поэтому и рождение его также должно быть таинством.

И на всякие уговоры о присутствии отца ребёнка она была против, всегда говорила:

— Я вам не мешала зачать ребёнка, так и вы мне не мешайте помочь ему родиться здоровым на этот свет. У каждого в этом процессе своя миссия.

В это время за дверями родовой палаты закричал ребёнок. Он всё громче и громче своим голосом доказывал: «Вот я пришёл в этот мир, слышите меня, и вы ещё услышите обо мне!»

По коридору медленно прохаживались две будущие мамочки. Услышав крик новорождённого, погладив живот, обратилась одна к другой:

— Скорей бы...

— Не бойся, навсегда там не задержатся, — ответила ей та.

Домой с дежурства Виктория, как всегда, зашла на рынок. Она ходила вдоль прилавков, приценивалась, кое-что покупала. Остановилась возле винного отдела, купила сухого вина.

Когда пришла домой, ей показалось, как-то всё не так: непонятный беспорядок — это когда куда-то собираешься и отбираешь, что взять собой. На кухне немытая посуда сто-

яла в раковине. В сковородке нетронутая, засохшая, подгорелая яичница, на неубранном столе... Что-то Юра совсем заленился, даже не хочет за собой убрать. Надо ему сделать выговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.